

ИСТОРИЯ
ОБЩАГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА
И ПОЛИТИКИ

ОТЪ XVI ВѢКА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

СОЧИНЕНІЕ

І. К. Блунчли

Профессора Гейдельбергскаго Университета

ПЕРЕВЕЛИ СЪ НѢМЕЦКАГО

О. Бакстъ и М. Новосельскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ О. Н. БАКСТА.

1874.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКОВЪ.

Предлагаемая здѣсь въ русскомъ переводѣ книга профессора Блунчли заключаетъ въ себѣ общепонятное изложеніе политическихъ теорій, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, начиная съ XVI вѣка по настоящее время. Въ исторіи наукъ вообще шестнадцатый вѣкъ представляетъ рѣшительную поворотную точку отъ средневѣковой схоластики и умственной отсталости къ болѣе жизненному, болѣе содержательному и просвѣщенному направленію новаго времени. И въ наукахъ политическихъ также повѣяло съ того времени новымъ духомъ. Подъ вліяніемъ возродившагося классицизма и пробуждавшейся критики (реформація), стали являться, одинъ за другимъ, великіе философы, замѣчательные политическіе мыслители и юристы, заговорившіе новымъ языкомъ и заложившіе основы новаго ученія о государствѣ. Вотъ почему знакомство съ главнѣйшими политическими ученіями, возникавшими съ XVI вѣка и вліявшими на развитіе политической мысли у новыхъ народовъ, не можетъ не имѣть особенной важности для всякаго образованнаго и интересующагося политическими вопросами человѣка.

Въ нашей литературѣ, небогатой вообще самостоятельными изслѣдованіями въ области политическихъ наукъ, трудно указать сочиненіе, въ коемъ историческое движеніе политическихъ теорій въ новое и новѣйшее время было бы изложено съ должною ясностью, краткостью и вразумительностью. Почтенный трудъ г. Чичерина „Исторія политическихъ ученій“, не доведенный еще до конца, предпринятъ въ размѣрахъ слишкомъ обширныхъ для

того, чтобы могъ служить, такъ сказать, подручною и учебною книгою какъ для учащейся молодежи, такъ и для большинства образованной публики. — Настоящее сочиненіе Блунчли, при сравнительно умѣренномъ объемѣ, по нашему мнѣнію, даетъ довольно ясное и отчетливое понятіе о ростѣ и развитіи политической мысли въ лицѣ выдающихся представителей ея, начиная съ пробужденія ея въ исходѣ XVI вѣка и кончая настоящимъ временемъ.

Что касается характера и направленія книги, то вотъ что говоритъ объ этомъ авторъ въ коротенькомъ предисловіи къ своему сочиненію:

„Я не желалъ писать исторію литературы и съ намѣреніемъ избѣгалъ придавать книгѣ ученую окраску. За то я серьезно и добросовѣстно старался писать исторію идей и направленій, которыя сказались въ развитіи политической науки, другъ съ другомъ боролись, другъ друга пополняли или вытѣсняли. Въ этомъ смыслѣ я и выбиралъ авторовъ, почитаемыхъ мною главнѣйшими представителями тѣхъ идей и направленій. Большинство изъ нихъ я заставлялъ говорить ихъ собственными словами, и повсюду старался указывать самыя характеристическія черты. Отъ критики я не уклонялся, но прибѣгалъ къ ней лишь въ той мѣрѣ, въ какой это оказывалось необходимымъ для единства и цѣли сочиненія“.

Намъ остается прибавить, что при переводѣ настоящаго сочиненія мы старались держаться по возможности ближе къ подлиннику, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ идеи приводимыхъ авторовъ излагаются ихъ собственными словами *).

С.-Петербургъ. Май 1874.

*) Главы VIII — XX этой книги переведены Новосельскимъ, остальные — Бакстомъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Главы:	Стр.
I. Государственное учение въ средніе вѣка.—Начало новой науки о государствѣ.—Политика Макиавелли и государственное учение Бодэна	1
II. Вліяніе церковной реформы въ Германіи.—Лютеръ.—Цвингли.—Гуго Гроцій	40
III. Англійская революція.—Джонъ Мильтонъ.—Томасъ Гоббесъ.—Спиноза	65
IV. Нѣмецкіе политики и юристы семнадцатаго столѣтія.—Самуилъ Пуфендорфъ.—Альберти.—Зенкендорфъ.—Лейбницъ	94
V. Вѣкъ Людовика XIV и вторая англійская революція.—Фенелонъ и Боссюсть.—Джонъ Локкъ	135
VI. Христіанъ Томазій и Христіанъ Вольфъ	160
VII. Фридрихъ Великій	197
VIII. Вико. — Монтескье. — Нѣмецкіе классики. — Гердеръ. — Филанджьеры	214
IX. Ж. Ж. Руссо. — Государственное учение французской революціи.—Сіэсъ	260
X. Эмануилъ Кантъ.—Право разума	292
XI. Идеалисты. — Іоаннъ Готлибъ Фихте.—Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ	312
XII. Эмпирическіе реалисты.—Іоаннъ Яковъ Мозеръ.—Іоаннъ Стефанъ Пюттеръ.—Фридрихъ Карлъ фонъ-Мозеръ.—Юстусъ Мезеръ.—Готфридъ Ахенваль	359
XIII. Представители исторической политики въ періодъ французской революціи.—Эдмондъ Боркъ.—Фридрихъ Генцъ.—Іоаннъ Мюллеръ	386

XIV.	Католическая политика реакціи и реставраціи.—Бональдъ.— Де-Местръ.—Ламене.—Людвигъ фонъ-Галлеръ.—Адамъ Мюл- леръ.—Іосифъ Герресъ	432
XV.	Конституціонное ученіе о государствѣ и право разума.—Бен- жаменъ Констанъ. — Карлъ фонъ-Роттекъ. — Карлъ Теодоръ Велькеръ.	459
XVI.	Философское ученіе о государствѣ Шеллинга и Гегеля. . . .	482
XVII.	Историческая школа права и государства.—Савиньи.—Нибуръ.— Дальманъ.—Вайтцъ.—Гнейстъ.	504
XVIII.	Попытки соглашенія.—Ансильонъ и Радовицъ.—Карлъ Соломонъ Цахаріэ.—Шмиттеннеръ.—Шлейермахеръ	528
XIX.	Критическія работы Роберта фонъ-Моля.—Баронъ Этвешъ.— Тюевиль	550
XX.	Религіозно-политическое направленіе.—Генрихъ Лео.—Фридрихъ Юлій Шталь.—Фердинандъ Вальтеръ.	560
XXI.	(Заключеніе). Религіозный характеръ времени.—«Поворотъ науки» невозможенъ. — Естественнo-научный методъ. — Т. Бокль.—К. Францъ.—Политическій характеръ времени.—Либеръ.—Милль.— Лабулэ.—Краузе.—Аренсъ.—Фр. Ромеръ.—Лоранъ.	580

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Государственное учение въ средніе вѣка.—Начало новой государственной науки.—
Политика Макиавелли и государственное учение Бодэна.

Средніе вѣка не были благопріятны для государственной науки. Наука о государствѣ выходитъ изъ сознанія идеи государства, а средневѣковое сознаніе государственной идеи было не самостоятельно и не ясно.

Главной духовной силой въ средніе вѣка была религія, а все идеальное направленіе христіанства было тогда, еще болѣе чѣмъ теперь, отвращено отъ земного міра и государства. Презрѣніе міра считалось христіанской добродѣтелью, бѣгство въ монастырь—путемъ къ высшему совершенству; духовенство ставилось выше мірянъ, а государство было по преимуществу общество мірянъ. Церковь разсматривалась какъ царство духа, государство какъ царство тѣла. Униженіе государства, уничтоженіе въ немъ духовнаго содержанія и зависимость ея отъ церкви была такимъ образомъ уже высказана въ принципѣ. Наука была исключительной привилегіей духовенства; ученые школы были большею частью его произведеніемъ, оставались въ ея владѣніи, а въ тѣхъ немногихъ свободныхъ или государственныхъ школахъ, какія существовали, учитель не осмѣливался оспаривать или отвергать божественный авторитетъ церкви.

Однако реальныя учрежденія многихъ средневѣковыхъ государствъ не могли быть объяснены изъ церковныхъ идеаловъ. Князья, сословія, корпораціи и общины получили свои права и свое устройство не отъ религіознаго откровенія. Вопреки мессіанскимъ ожиданіямъ еврейскаго народа Христосъ отказался отъ задачи устроить государство. Онъ явился

не какъ свѣтскій законодатель. Противоположность церкви и государства въ христіанской Европѣ не могла быть поэтому подвергнута полному отрицанію, а вмѣстѣ съ этимъ нужно было признать, что государство не есть только церковное учрежденіе, не подчинено вполнѣ церковной власти, а имѣетъ относительно самостоятельное существованіе. Государственные учрежденія были по преимуществу проникнуты духомъ германскихъ династій и сословій. Но и въ германскомъ духѣ лежало нѣчто противогосударственное, германцамъ было трудно признать государственную идею въ ея единствѣ, во всемъ развитіи ея силы. Этому препятствовало отчасти непокорное чувство свободы въ отдѣльных лицахъ и въ корпораціяхъ, лишь неохотно склонявшееся предъ высшими и общими интересами цѣлаго, частью грубое самолюбіе властителей. Такимъ образомъ не только бѣгущій отъ міра религіозно-христіанскій духъ среднихъ вѣковъ, но и направленный на общественную жизнь, болѣе матеріальный духъ германской народности—т. е. вторая главная нравственная сила среднихъ вѣковъ—не былъ благопріятенъ для пониманія идеи государства.

Конечно, воспоминаніе о государственномъ ученіи классической древности не угасло вполнѣ и въ средніе вѣка. Сочиненія Аристотеля имѣли въ ученыхъ школахъ авторитетъ, въ своемъ родѣ равный авторитету библіи, — только въ случаѣ столкновенія уже разумѣлось само собой, что священные книги получали преимущество. Самый выдающійся богословъ среднихъ вѣковъ, такъ называемый «ангелъ школы» Тома Аквинатъ, объяснялъ подробно какъ этику, такъ и политику Аристотеля, его комментаріи пользовались въ слѣдующихъ вѣкахъ большимъ авторитетомъ, и позже нѣсколько разъ перепечатывались. Эллинская мысль, что государство есть существенно произведеніе человѣческаго духа и человѣческой дѣятельности одобрялась знаменитымъ богословомъ *), но чисто человѣческая природа государства должна однако, по его мнѣнію, скромно и покорно стоять позади божественно-человѣческой природы церкви. «Въ языческой древности, писалъ Тома королю Кипрскому въ сочиненіи о христіанскомъ правленіи, культъ имѣлъ своею цѣлью земные интересы и общее благо. Поэтому жрецы были подчинены царямъ. Но въ новомъ законѣ духовенство, которое ведетъ людей

*) Въ самомъ введеніи въ политику: *tertio possumus accipere dignitatem et ordinem politicae ad omnes alias scientias praedictas. Est enim civitas principalissimum eorum, quae humana ratione constitui possunt.*

къ небеснымъ благамъ, стоитъ выше правителей, и поэтому въ христіанскомъ мірѣ короли должны быть подчинены священникамъ» (I.20). «Папа есть намѣстникъ Христа въ болѣе высшемъ смыслѣ, чѣмъ король или императоръ, и какъ тѣло приводится въ движеніе силою души, такъ свѣтская власть зависитъ отъ духовной» *) (III. 10).

Римская идея государства нашла даже самостоятельную представителя въ средневѣковомъ свѣтскомъ мірѣ. Имперія, какъ ни измѣнился смыслъ ея въ рукахъ франкскихъ и нѣмецкихъ королей, поддерживала однако въ жизни—даже между необразованными народами—память о древне-римской имперіи, а частію и притязанія ея на всемірное господство. Цѣлый рядъ римскихъ юристовъ въ римскихъ университетахъ Италіи, Франціи и Германіи ссылался на авторитетъ *Corpus Juris* съ такимъ же уваженіемъ, какъ богословы на свои священные книги, а въ сводѣ законовъ Юстиніана римское государство являлось вооруженное всѣмъ величіемъ и силою римскаго господства. Римская церковь сама приняла многое отъ древняго свѣтскаго Рима и духовное всемірное господство—идеалъ самыхъ великихъ папъ—было частію подражаніемъ и преобразованіемъ погибшаго государственнаго владычества Рима.

Затѣмъ отдѣльные мыслители также возвышались иногда надъ обыкновеннымъ міросозерцаніемъ своихъ современниковъ, и защищали самостоятельность и величіе государства въ своихъ сочиненіяхъ и рѣчахъ;—государственные люди, философы, юристы. Въ тринадцатомъ столѣтіи и особенно въ первой половинѣ четырнадцатаго пробивались на свѣтъ такія мужественныя мысли. Иногда тутъ проявлялся нѣкоторый національный полетъ, какъ во французскихъ и нѣмецкихъ юридическихъ книгахъ этого времени—въ нѣмецкомъ «Саксонскомъ зеркалѣ» Эйке фонъ-Репгова, въ *Coutumes de Beauvoisis* Бомануара, въ рѣчахъ и законахъ императора Фридриха II, и французскаго короля Людовика Святого. Въ стихахъ и прозѣ, въ «Божественной Комедіи» и въ сочиненіи о монархіи, боролся великій поэтъ и философъ Данте противъ папскаго всевластія, за божественное величіе имперіи и державность государ-

*) De regimine principum, изданіе in quarto, Венеція 1754, книга XIX, стр. 752. Cum enim summus pontifex sit caput in corpore mystico omnium fidelium Christi et a capite sit omnis motus et sensus in corpore vero, sic erit in proposito. Quod si dicatur ad solam referri spiritualem potestatem, hoc esse non potest: quia corporale et temporale ex spirituali et perpetuo dependet, sicut corporis operatio et virtute animae.

ства. Мужественно защищалъ англичанинъ Оккамъ право французскихъ королей противъ притязанія римской куріи, и еще смѣлѣе оспаривалъ у церкви всякую принудительную юридическую власть Марсилій Падуанскій—въ спорѣ императора Людовика Баварскаго съ папствомъ,—указывая послѣднему на исключительно религіозное призваніе. Онъ признавалъ за государствомъ право облагать податью и церковныя имѣнія и творить судъ надъ духовными лицами.

Но всеѣ воспоминанія о классической древности и эти новыя воззрѣнія на государство не могли побѣдить основнаго созерцанія средневѣковаго міра, не могли вызвать новой государственной науки.

Ненасытимая жажда авторитета, характеризующая духовную жизнь среднихъ вѣковъ, принимала на вѣру самыя различныя вещи, не замѣчая, что онѣ противорѣчатъ одна другой. Моисеевъ законъ и христіанская религія, эллинская философія и римская юриспруденція, декреты папъ и обычное право германскихъ народовъ—все соединялось одно съ другимъ въ странную гармонію. Не было никакой исторической критики, которая бы принимала въ соображеніе различія времени, никакой логической критики, которая бы осмѣливалась указать на противорѣчіе принциповъ. Въ этомъ полумракѣ, въ которомъ только и можно было мыслящему духу дѣлать свои изслѣдованія, противоположности не выступали ясно. Возвышаясь надъ всякой другой наукой, сидѣла на тронѣ святая теологія, и сама связанная авторитетомъ церкви и папъ—была въ свою очередь обязательнымъ и ограничивающимъ авторитетомъ для всеѣхъ другихъ наукъ. Она поддерживала единство духовной жизни.

Только когда специфически-средневѣковой духъ перешелъ свой высшій пунѣтъ, когда люди пошли на судъ сами съ собой, —въ великій вѣкъ реформаціи шестнадцатаго столѣтія,—испытала и государственная наука свое обновленіе.

Между церковною и научной реформой этого вѣка есть конечно извѣстная внутренняя связь, но никакъ нельзя сказать, чтобы одна была только слѣдствіемъ другой. Онѣ плутъ самостоятельно одна подлѣ другой, онѣ иногда взаимно поддерживаютъ другъ друга, но иногда онѣ и отворачиваются одна отъ другой недовѣрчиво и даже враждебно.

Церковная реформа была по преимуществу дѣломъ нѣмецкаго характера и нѣмецкаго духа. Напротивъ, люди, въ первый разъ поднявшіе государственную науку на степень новой самостоятельной науки, были романскіе мыслители.

Вновь оживившееся изученіе древней классической литературы, характеризующее вторую половину пятнадцатаго столѣтія и дѣлающее ее настоящимъ вѣкомъ возрожденія, дѣйствовало на развитіе государственной науки еще рѣшительнѣе, чѣмъ на церковную реформу. Въ сочиненіяхъ грековъ и римлянъ не было и слѣда чуждаго міра монашескаго духа; тѣмъ свѣжѣе бились въ нихъ источники свободнаго человеческого духа. Общественное служеніе отечеству цѣнилось тамъ выше, чѣмъ благочестивое уединеніе и отрѣченіе, гражданская свобода выше чѣмъ послушаніе, государство являлось тамъ какъ высшій идеалъ человеческого бытія. Одушевленное изученіе этихъ языческихъ, но умственно богатыхъ сочиненій должно было возбудить мыслящихъ читателей къ критикѣ, и когда они сравнивали учрежденія и ученія своего настоящаго съ ученіями и учрежденіями древности, то сравненіе могло не всегда оканчиваться въ пользу ихъ времени. Философскій, мірской, политическій духъ тогдашняго вѣка получилъ отъ соприкосновенія съ духомъ древности крещеніе и освященіе, совершенно отличныя отъ духовнаго авторитета.

Мы видимъ, что оба романскіе мыслителя, пробившіе дорогу для новой государственной науки, Макиавелли и Бодэнь, были преимущественно возбуждены классическими занятіями, и если мы поставимъ въ рядъ съ ними еще третьяго позднѣйшаго — нѣмца Гуго Гроція, то и онъ большею частію своего государственнаго образованія обязанъ знакомству съ античнымъ міромъ.

Страстные приговоры о Макиавелли, большею частью противъ него, уступили мѣсто болѣе спокойной и болѣе справедливой оцѣнкѣ этой замѣчательной личности *). Научились уважать въ немъ его великія качества, не скрывая однако слабостей и опасностей его ученія.

Рѣдко былъ человекъ отъ природы такъ всецѣло и исключительно созданъ для государства, какъ Макиавелли. Какъ вода для рыбы, какъ воздухъ для птицы, такъ государство для Макиавелли есть единственный элементъ, въ которомъ онъ можетъ жить. Родившись 3-го мая 1469 г., сынъ знаменитой флорентійской республики, онъ съ ранней юности введенъ былъ въ живую волнуемую государственную жизнь этой республики, и вызванъ на размышленія о политическихъ

*) Подробный отчетъ о такъ называемый литературѣ относительно Макиавелли см. у Моля, *Geschichte und Literatur der staatswissenschaften*. III, стр. 521 и слѣд.

интересахъ и о средствахъ къ ихъ удовлетворенію. Онъ пережилъ и видѣлъ, какъ населеніе города увлеклось религіозной реформаціей Савонаролы, и какъ потомъ хитрости церковной іерархіи и насилію дворянской реакціи удалось низвергнуть и уничтожить пылкаго монаха. Во внутренней борьбѣ партій, никогда не прерывавшейся, онъ и самъ принималъ живое участіе. Счастливейшимъ временемъ его жизни были четырнадцать лѣтъ отъ 1498 до 1512, когда онъ принималъ оффиціальное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, какъ государственный секретарь республики, и часто былъ употребляемъ для различныхъ посольствъ. Если его должностное положеніе осталось позади тѣхъ ожиданій, которыя нѣкогда льстили его необыкновенному дарованію, если многое шло не такъ, какъ онъ желалъ и надѣялся,—все таки политическая дѣятельность, открывшаяся ему, соотвѣтствовала его склонностямъ. Его таланты, его мысли, его страсти были направлены къ государству. Какъ древнимъ эллинамъ и еще болѣе римлянамъ, государство казалось ему высшимъ благомъ. Онъ жертвовалъ для него своимъ покоемъ, своимъ имѣньемъ, своими друзьями, самимъ собою, даже своей честью и своей совѣстью. Политическая дѣятельность была его любовью, его добродѣтелью; занятіе политической наукой стояло уже на второмъ планѣ.

Макиавелли испыталъ глубочайшую скорбь, когда хитрый Лоренцо Медичи насильственно сдѣлался полнымъ господиномъ республики; вмѣстѣ съ униженіемъ республики самъ Макиавелли былъ отставленъ отъ должности, и принужденъ повиноваться герцогской власти—бездѣятельно, какъ частный человѣкъ. Онъ не могъ переносить этого невольнаго бездѣйствія въ періодъ полной мужеской силы. Какъ трогательны его жалобы, которыя повѣрялъ онъ своему другу Веттори! Какъ жалкимъ кажется онъ самому себѣ, отъ того что ему закрыта политическая дѣятельность, какъ безплоднымъ и ничтожнымъ считаетъ онъ все то, чѣмъ онъ теперь занимается! Онъ не знаетъ, какъ спастись отъ скуки. Птицеловство, которому онъ долго былъ преданъ, ему наскучило; чтеніе поэтовъ, красоты природы развеселяютъ его лишь не надолго; въ тоскѣ онъ убиваетъ послѣобѣденные часы за картами, игрою въ триктакъ—въ обществѣ содержателя гостиницы, мясника, мельника и кирпичника. Но вечеромъ его духъ сосредоточивается. Онъ снимаетъ обыкновенную, будничную, грязную одежду, и надѣваетъ свое государственное платье. Въ своей уединенной рабочей комнатѣ онъ снова воображаетъ себя практически государственнымъ человѣкомъ. Онъ ведетъ тайныя бесѣды съ го-

сударственными людьми прошлыхъ временъ, предлагаетъ самъ себѣ политическія проблемы, и упражняется въ разрѣшеніи ихъ. Если онъ не можетъ вести дѣйствительныхъ дѣлъ, — онъ занимается выдуманными дѣлами. Изъ необходимости занимается онъ политической наукой. Въ ней ищетъ онъ освобожденія отъ внутренняго стремленія къ дѣятельности.

Человѣкъ съ такимъ характеромъ долженъ былъ совершенно вырвать политику изъ удушающихъ объятій теологіи, которая сжимала и стѣсняла государственную науку во все продолженіе среднихъ вѣковъ. Всѣ основы его міросозерцанія такъ вполне мірскіе, такъ вполне человѣческіе, возвышенность и самостоятельность государства такъ для него несомнѣнны, что онъ упоминаетъ о средневѣковой зависимости государствъ отъ церкви почти не иначе, какъ съ высочайшимъ презрѣніемъ. Хотя политическая практика въ Италіи эмансипировалась отъ церковнаго руководства еще до Макиавелли, но только его сочиненія сдѣлали науку политики свободной отъ опеки теологіи. Это было значительное, прокладывающее дорогу дѣло, хотя прежде всею въ теоретической формѣ.

Это человѣчески - мірское основаніе и направленіе его политики выступаетъ тѣмъ рѣшительнѣе во всѣхъ его сочиненіяхъ, чѣмъ глубже укореняется въ немъ убѣжденіе, что политическое несчастье Италіи главнымъ образомъ нужно поставить въ вину влиянію римскаго папства. Кто не знаетъ двухъ обвиненій, которыя онъ бросаетъ въ лицо римской іерархіи въ извѣстномъ мѣстѣ своихъ дискурсовъ къ Ливію (I. 12): 1) дурной примѣръ римскаго двора уничтожилъ въ Италіи всякій страхъ божій, всякую религію и такимъ образомъ произвелъ неисчислимое зло; 2) безъ единства всей страны Италія не можетъ быть счастливой; а величайшее препятствіе къ этому единству есть папа, который не на столько силенъ, чтобы самому соединить всю Италію подъ свою власть, и однако не на столько слабъ, чтобы при помощи чужеземцевъ не быть въ состояніи воспрепятствовать всякому другому государю въ дѣлѣ соединенія.

Даже тѣ изъ средневѣковыхъ мыслителей, которые высказывались въ пользу извѣстной самостоятельности государства въ отношеніи къ церкви, съ готовностью признавали однако за религіей высшій авторитетъ, высшее духовное значеніе, чѣмъ за политикой. Но Макиавелли совершенно чуждъ и этого воззрѣнія. Правда, онъ убѣжденъ, что счастье и несчастье государствъ и народовъ не зависятъ исключительно отъ людей,

что «судьба» имѣетъ большую долю вліянія, что «небо» разнообразными способами показываетъ свою власть надъ людьми. По его мнѣнію, люди съ своей стороны могутъ содѣйствовать и помогать судьбѣ, но не въ состояніи противиться ей съ успѣхомъ. Они могутъ схватить и связать концы ея нитей, но не могутъ разорвать ихъ. Онъ одинаково далекъ какъ отъ того, чтобъ видѣть въ исторіи міра простую игру случая, такъ и отъ того, чтобы объяснять ее произвольною дѣятельностью человека. Но онъ отказывается открыть планы высшаго міроуправленія, и считаетъ полезнымъ, чтобы люди всегда дѣлали все необходимое для достиженія своихъ цѣлей, никогда не оставляя притомъ надежды, что и счастье будетъ имъ благосклонно (Ехс. II, 29). Совершенно въ античномъ духѣ римлянъ онъ любитъ разсмагривать религію преимущественно со стороны ея политическаго вліянія. Она представляется ему особенно благодѣтельной, когда служитъ государственнымъ интересамъ. Онъ очень цѣнитъ благоразуміе тѣхъ князей и властителей, которые пользуются религіозными чувствами народа, чтобы дать своимъ учрежденіямъ блескъ святости, и совѣтуетъ не пренебрегать и суевѣріемъ, когда оно содѣйствуетъ къ поддержанію чувствъ привязанности и уваженія въ невѣжественныхъ классахъ (Ехс. I. II. 12). Такъ какъ сила, сообщаемая христіанствомъ, есть болѣе сила пассивнаго страданія, а не дѣятельная сила, такъ какъ оно служитъ государству менѣе, чѣмъ церкви, то для его цѣлей оно не такъ полезно. Онъ дѣлаетъ упрекъ тому способу, какимъ христіанство понимается и обнаруживается на дѣлѣ, что оно «обезоружило небо и лишило человечество мужеской силы», и объявляетъ это религіозное направленіе главной причиной, почему въ его время менѣе республикъ, чѣмъ въ древнемъ мірѣ (II. 2). Но въ то же время онъ старается отыскать и въ христіанствѣ, внушающемъ заботиться о безопасности и величій отечества, сторону полезную для государства, и думаетъ, что государства были бы счастливѣе, еслибъ первоначальныя заповѣди основателя христіанской религіи были лучше понимаемы и исполняемы (I. 12).

Изъ этого видно, что античное, и особенно римское міросозерцаніе имѣетъ большую притягательную силу для Макиавелли, и въ немъ снова оживаетъ. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно поглощенъ идеями возрожденія, которое распространилось тогда изъ Италіи и завладѣло также всѣми живыми умами другихъ европейскихъ народовъ.

Въ одномъ существенномъ пунктѣ Макиавелли переступаетъ даже тѣ границы, которыя уважали сами римляне—конечно болѣе въ теоріи, чѣмъ

на практикѣ. Его политика также мало обуславливается правомъ или нравственностью, какъ и религіей. Въ высшей степени рѣдко говоритъ онъ объ юридическихъ учрежденіяхъ, никогда не основываетъ свои взгляды на естественномъ или историческомъ юридическомъ правѣ. Когда онъ упоминаетъ о законахъ и учрежденіяхъ, то видитъ въ нихъ только политическія мѣры, достоинство которыхъ опредѣляется только степенью ихъ цѣлесообразности съ политическими видами. На идеи справедливости онъ не обращаетъ вниманія.

Это отдѣленіе политики отъ права можно считать научнымъ прогрессомъ въ томъ отношеніи, что уразумѣніе идеи государства могло выдѣлаться въ ясности при исключительномъ сосредоточеніи вниманія на одной сторонѣ государственной жизни и ея потребностей—за исключеніемъ всякой другой, хотя бы и существенной; смѣшеніемъ же права и политики оно могло быть только затемнено. Эта односторонность взгляда легко находила опять свое научное восполненіе и поправку въ наукѣ о правѣ. Чѣмъ болѣе вниманія было прежде обращено на послѣднюю, и чѣмъ менѣе политика разрабатывалась какъ наука, тѣмъ болѣе заслугой было исправленіе этого недостатка,—а оно едва-ли могло быть сдѣлано иначе, какъ въ одностороннемъ направленіи. Но въ то же время нужно признать, что въ раздѣленіи политики отъ права, если оно будетъ проведено и въ практикѣ, заключалась большая опасность. Если политическая теорія подкрѣпляла властителей въ ихъ склонности руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ также односторонне только основаніями цѣлесообразности, не заботясь нисколько о существующемъ правѣ, то ученіе становилось гибельнымъ. Макиавелли не можетъ быть освобожденъ отъ обвиненія въ томъ, что онъ не противодѣйствовалъ этой дурной и вредной ошибкѣ практики, что даже онъ самъ не остался отъ нея свободенъ, и скорѣе велъ своихъ послѣдователей на этотъ путь, чѣмъ предостерегалъ ихъ отъ него.

Еще опаснѣе и вреднѣе дѣйствовало отдѣленіе политики отъ основныхъ нравственныхъ условій и цѣлей народовъ. Оно не могло быть оправдано и научно, потому что политика и нравственность не суть двѣ различныя стороны государства, какъ право и политика; напротивъ, такъ какъ здравая политика движется нравственными силами, то она преслѣдуетъ и нравственные цѣли. Если нравственная связь разрывается и моральные элементы выдѣляются прочь, то этимъ отрицается нравственная природа и назначеніе человѣка, и политика принимаетъ гибельный характеръ. Нравст-